

ДВОЙНАЯ ЗВЕЗДА

Самые знаменитые (и самые читаемые) из отечественных фантастов — братья Аркадий и Борис Стругацкие — выросли в семье, которую они сами называли необычной даже для того необычного времени.

Их отец, искусствовед Натан Стругацкий, в 1916-м вступил в партию большевиков, в Гражданскую войну стал комиссаром в кавалерийской бригаде, а после демобилизации служил партийным функционером на Украине, где и познакомился с дочерью мелкого торговца Александрой Литвиничевой, вышедшей за него против воли родителей и проклятой ими за мужа-еврея.

Семья переезжала с места на место — куда бросала партия. В 1925 году в Батуми родился Аркадий, а вскоре после его рождения Натан Стругацкий был направлен на партийную работу в Ленинград, и в 1933 году там же родился Борис.

Когда началась Великая Отечественная, Натан Стругацкий, работавший в Публичной библиотеке, пришел

Борис и Аркадий Стругацкие

в военкомат, но по возрасту его не взяли. Тогда в сентябре он записался в ополчение, где стал командиром роты.

В начале 1942 года он был комиссован, как вспоминал Борис Натанович, «вчистую — опухший от голода, полумертвый, с останавливающимся сердцем». Аркадий, которому к тому времени исполнилось 17 лет, участвовал в строительстве оборонительных сооружений и работал в мастерских, где производились ручные гранаты.

Вскоре появилась возможность эвакуации вместе с последней партией сотрудников Публичной библиотеки. Считалось, что малолетний Борис эвакуации не выдержит, и потому решено было разделиться: в январе 1942-го отец и Аркадий уехали, а Борис с матерью остались.

Долгое время они считали, что отец и старший брат погибли — от них не было никаких вестей. И только в августе 1942-го пришло письмо от Аркадия из Чкаловской (ныне Оренбургской) области. Выяснилось, что на Дороге жизни машина попала в полынью, но они с отцом сумели выскочить из кузова, провалившись при этом по пояс в воду. Затем в 30-градусный мороз эшелон с эвакуированными восемь дней



*Борис и
Аркадий
Стругацкие
с матерью
Александрой
Ивановной
Литвиничевой*

шел до Вологды, ехали в товарных вагонах, без отопления, по три-четыре дня без еды. Умерших в пути, как дрова, складывали в углу. Из тридцати человек, погрузившихся в вагон, живыми доехали только одиннадцать. Сколько выжило на самом деле, неизвестно. Натан Стругацкий в Вологде скончался.

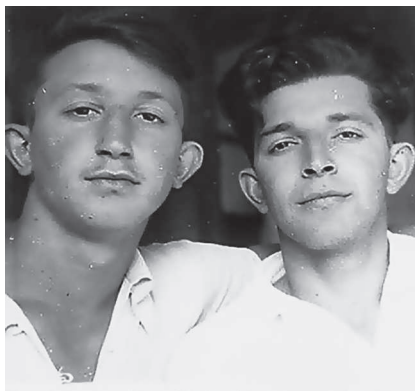
В феврале 1943 года Аркадий ушел в армию, закончив Актюбинское минометное училище, и полагалось ему попасть летом 1943-го на Курскую дугу и погибнуть там вместе со всем своим курсом. Но случилось иначе: Аркадий стал слушателем японского отделения восточного факультета Военного института иностранных языков и до 1955 года служил на Дальнем Востоке.

После демобилизации старший лейтенант Стругацкий вернулся в Ленинград, к матери и брату, уже учившемуся на математико-механическом факультете ЛГУ (до этого они виделись урывками — раз в год, когда Аркадий приезжал в отпуск).

Борис, закончивший в 1950 году школу с серебряной медалью, хотел поступать на физфак, но принят не был.

Вот что он рассказывал в одном из интервью:

«В последних классах школы я интересовался, главным образом, двумя дисциплинами. В первую очередь — физикой, во вторую очередь — астрономией. Физикой, естественно, атомной, ядерной. Тема тогда была модная, а мне как



*Борис и
Аркадий
Стругацкие.
Ленинград,
август 1949 г.*

раз попалось в руки несколько современных книг про атомное ядро и про элементарные частицы, и я их с наслаждением прочитал. Впрочем, „прочитал“ — сказано слишком сильно. Там были и достаточно популярные книжки, а были и вполне специальные монографии, начинавшиеся прямо с уравнения Шредингера, которое я и двадцать лет спустя воспринимал как самую высокую науку. Книги эти в большинстве достались мне по наследству от Аркадия Натановича, который тоже всеми этими вещами в конце 40-х очень интересовался. И астрономией я тоже увлекался, опять же следуя по стопам старшего брата, который еще до войны сам мастерил телескопы, пытался наблюдать переменные звезды, а меня заставлял рисовать Луну, как она видится в окуляре подзорной трубы... Но изначально поступал я все-таки не на мат-мех — поступал я на физфак. Я был серебряным медалистом и имел все шансы поступить благополучно, но однако же ничего у меня не получилось. Почему — я точно не знаю до сих пор. По тогдашним правилам, каждый медалист должен был проходить так называемый коллоквиум, собеседование, после которого ему без всяких аргументов объявлялось решение. В моем случае это решение было: „Не принят“. Это был 1950 год, медалистов собралось на физфаке человек пятьдесят, и только двоих не приняли. Меня и какую-то девочку, фамилии которой я не помню, но в памяти моей она ассоциируется почему-то с фамилией Эйнштейн. В общем, что-то там было не в порядке

у этой девочки с фамилией... Почему не приняли? Есть два объяснения...

— *Уже началась известная антисемитская кампания?*

— Она не просто началась, она была в самом разгаре. И хотя по паспорту я числился русским, тот факт, что я Натанович, скрыть было невозможно, да и в голову не приходило — скрывать. Может быть, мама что-то и понимала в тогдашней ситуации, а я уж был полнейшим беспросветным лопухом. Так что, возможно, дело было именно в отчестве. Особенно если учесть, что на коллоквиуме я честно и прямо заявил, что хочу заниматься именно ядерной физикой. Это был, конечно, опрометчивый поступок.

— *Насколько я помню, тогда в Советском Союзе ядерной физикой занималось очень большое число людей с аналогичными отчествами и фамилиями. Пожалуй, они даже составляли большинство в этой науке...*

— Это так, но, видимо, были уже даны кому следует указания о том, что этих фамилий и отчеств вполне достаточно и пора бы это безобразие прекратить. (Позднее, помнится, это безобразие получило вполне бюрократическое определение: „засоренность кадров“.) Однако и другое объяснение тоже вполне возможно: как-никак, отец наш был исключен из партии в 1937 году, и в партии его так и не восстановили. Я ничего этого, правда, в анкетах нигде не указывал (да и вопроса соответствующего в тех анкетах, кажется, не было), но те, кому было положено, наверняка об этих моих обстоятельствах знали. Должны были знать, по крайней мере. И также знали они, конечно, что мой дядя Александр Стругацкий — родной брат отца — был расстрелян в 1937 году. Вот эти два фактора, скорее всего, и сыграли свою роль... Я был в отчаянии, как сейчас помню, — удар был тем более страшен, что ничего подобного я не ожидал вообще. Мама, помнится, пыталась найти каких-нибудь знакомых из тех, кто работал в ЛГУ, чтобы как-то похлопотать, ничего у нее не получилось, естественно, но тут кто-то из этих знакомых по-



*Борис
Стругацкий.
1998 г.*

советовал: попробуйте мат-мех, там же есть астрономия, а мальчик астрономией интересуется... И я пошел на мат-мех. Там я тоже оказался в толпе медалистов, но на сей раз благополучно поступил, без всяких трудностей, если не считать того обстоятельства, что меня предварительно основательно помучили — вызвали на собеседование самым последним. Впрочем, все это уже были совершенные пустяки. Я не очень горевал, оставшись без своей ядерной физики: как-никак, астрономия тоже была моей любовью, пусть даже и второй, и впоследствии занимался я астрономией и математикой с большим удовольствием и прилежанием»¹.

Закончив университет, Борис поступил в аспирантуру Пулковской обсерватории и работал там над проблемой происхождения двойных и кратных звезд. Еще во время учебы он сделал довольно любопытную, по мнению его научного руководителя Кирилла Федоровича Огородникова, курсовую работу: она была связана с динамикой поведения так называемых широких звездных пар. Получился интересный результат, на основании которого Бориса и брали в аспирантуру — он должен был сделать на этом материале диссертацию.

В течение двух с половиной лет он ее писал, и все шло очень хорошо, но потом выяснилось (сам же Стругацкий

¹ Из интервью Бориса Стругацкого Борису Вишневному.

и выяснил, роясь в обсерваторской библиотеке), что эту работу уже сделал в 1943 году американский астрофизик индийского происхождения Субраманьян Чандрасекар. Защищать стало нечего, новую работу за полгода до окончания срока начинать было бессмысленно. В результате, так и не написав диссертацию, Борис поступил на счетную станцию Пулковской обсерватории, где проработал почти десять лет, до 1964-го. Ему приходилось иметь дело со счетно-аналитическими машинами, на которых производились научные расчеты. Это были гигантские электрические арифмометры, размером три метра в длину и полтора метра в высоту, которые страшно рычали, гремели и лязгали своими многочисленными шестернями, перфораторами и печатающими устройствами... Никакого программирования в то время, естественно, не существовало, было лишь так называемое коммутирование, изначально эти электрические гробы предназначались только для сложения и вычитания. Но их можно было все-таки научить умножению, делению и даже извлечению квадратного корня. Эта работа увлекла Бориса Стругацкого, и он занимался ею с большим удовольствием несколько лет. Но задолго до ухода из обсерватории его главным делом стала вовсе не астрономия.

Как выше упоминалось, в июне 1955-го в Ленинград приехал демобилизовавшийся старший лейтенант Аркадий Стругацкий. Он уже имел «за плечами» написанную в соавторстве с Леонидом Петровым повесть «Пепел Бикини». Братья выяснили, что у них сходные взгляды на науку и литературу — и что Борис давно уже мечтает писать.

На следующий год Аркадий переехал в Москву, поступив работать в Институт научной информации, а затем перешел в Восточную редакцию крупнейшего в стране издательства художественной литературы — Гослитиздата. И именно в этом году Стругацкие написали свое первое научно-фантастическое произведение «Страна багровых туч». Оно было отдано в издательство «Детская литература» — и в 1959 году напечатано.

Конечно, для подавляющего числа поклонников Стругацких знакомство с ними началось со «Страны багровых туч». Именно с этой повести (как в свое время с «Пяти недель на воздушном шаре» у Жюль Верна) идеи АБС стали овладевать массами. Именно здесь впервые появились Алексей Быков, Владимир Юрковский, Михаил Крутиков и другие любимейшие наши герои. Наконец, именно за «Страну багровых туч» братья Стругацкие получили свою единственную за все времена и произведения премию от государства — третью премию «Конкурса на лучшую книгу о науке и технике для детей школьного возраста», в размере 5000 рублей. Как позже заметит Борис Стругацкий, «неплохие деньги по тем временам — четыре мамины зарплаты...» При этом и Аркадий, и Борис «Страну багровых туч» активно не любили, а Борис Стругацкий сперва даже категорически отказался включить эту повесть в первое в российской истории собрание сочинений АБС («текстовское»), и она вошла в один из двух дополнительных томов только под давлением общественности...

Но так или иначе — тут-то и родился писатель «братья Стругацкие». И далее, как напишет потом Аркадий, «пошли книги», которые каждый уважающий себя любитель фантастики может перечислить, даже будучи разбужен ночью: 1960 — «Путь на Амальтею», «Шесть спичек», 1961 — «Возвращение (Полдень, XXII век)», 1962 — «Стажеры», «Попытка к бегству», 1963 — «Далекая Радуга», 1964 — «Понедельник начинается в субботу»...



*Обложка
первого
издания
романа
«Полдень,
XXII век
(Возвраще-
ние)».
1967 г.*



*Обложка
второго
издания
повести
«Страна
багровых
туч».
1960 г.*

Обложка первого отдельного издания повести «Стажеры». 1962 г.



Обложка первого издания повести «Далекая Радуга». 1963 г.



Какими были братья Стругацкие в начале своего писательского пути?

Сегодня это звучит удивительно, но тогда они оба были настоящими сталинцами! Считали, что все происходящее — правильно, а если и встречаются какие-то недостатки и неприятности — это неизбежно, не ошибается только тот, кто ничего не делает. Считали, что «лес рубят — щепки летят», коммунисты — настоящие люди, большевики — замечательные, дело наше правое, мы обязательно победим... Случаются, конечно, отдельные негодяи, которые мешают нам трудиться и побеждать: вот, вчера Берия был великий человек, а сегодня Берия — английский шпион...

Это — не вольное изложение автора статьи, это — воспоминания самого Бориса Стругацкого. Избавление от «сталинщины» началось лишь незадолго до XX съезда КПСС — когда Аркадий Стругацкий женился на своей второй жене. Она была из семьи старинных русских интеллигентов, принявших русскую революцию от всего сердца и по которым эта революция проехала всеми колесами и гусеницами.

«Лена все знала, все понимала с самых ранних лет, во всем прекрасно разбиралась, всему знала цену, — рассказывал Борис Стругацкий. — И она была первым человеком, который как-то поколебал мою идиотическую убежден-

Обложка
первого издания
повести
«Хищные вещи
века». 1965 г.



Обложка издания повести
«Понедельник начинается в субботу».
1965 г.



ность — еще до Двадцатого съезда. Я помню бешеные споры, которые у нас с ней происходили, с криками, с произнесением сильных слов и чуть ли не с дракой. Помню, как Аркадий стоял между нами белый как бумага и уговаривал: ребята, опомнитесь, бросьте, все это чепуха, ерунда, не обращайте внимания, давайте лучше выпьем... Но мы с Ленкой продолжали бешено орать друг на друга: Ленка кричала, что все они (большевики то есть, молотовы эти твои, кагановичи, ворошиловы) кровавые бандиты, а я кричал, что все они великие люди, народные герои... А потом наступил Двадцатый съезд, и мне было официально объявлено, что да, действительно, большая часть этих великих людей — все-таки именно кровавые бандиты. И это был, конечно, первый страшный удар по моему самосознанию. Да и венгерские события были в том же самом году и тоже оказали свое воздействие. Но вера в правоту дела социализма и коммунизма сохранялась у нас долго. „Оттепель“ способствовала сохранению этой веры — нам казалось, что наконец наступило такое время, когда можно говорить правду, и многие уже говорят правду, и ничего им за это не бывает, страна становится честной, чистой... Этот процесс „эрозии убеждений“ длился, наверное, до самых чешских событий 1968-го. Вот тогда и наступил конец всех иллюзий».

Обложка журнала
«Фантастика»
1962 год,
в котором была
опубликована по-
весть «Попытка
к бегству»



Обложка
издания
«Трудно быть
богом»



Обложка
издания
«Обитаемый
остров». 1971 г.



Надо сказать, что братья Стругацкие — в обычном понимании — никогда не были диссидентами, антисоветчиками и героическими борцами с коммунистическим режимом. Но диссидентами очень часто становились их читатели, воспринимавшие у Стругацких тот самый, беспощадно караемый в Арканаре, «невосторженный образ мыслей» и участь подвергать сомнению казалось бы непреложные истины.

Кроме того, бдительные советские критики все чаще и чаще уличали авторов в тех или иных непростительных ошибках. Так, в 1966 году газета «Известия» констатировала, что повесть «Трудно быть богом», «вышедшая после интересных и нужных первых книг „Страна багровых туч“ и „Путь на Амальтею“, к сожалению, не свидетельствует об идейном и художественном росте авторов». А в 1967 году журнал «Октябрь», возглавлявшийся Кочетовым, обвинял ту же повесть в том, что она может «бросить тень на самоотверженную помощь нашего государства освободительным движениям в малоразвитых и колониальных странах». Через два с лишним десятка лет Борис Стругацкий скажет: «Слухи о реабилитации Сталина возникали теперь чуть ли,



*Борис и
Аркадий
Стругацкие.
Москва,
1983 г.*

не ежеквартально. Фанфарно отгремел смрадный и отвратительный, как газовая атака, процесс над Синявским и Даниэлем. По издательствам тайно распространялись начальством некие списки лиц, публикация коих представлялась нежелательной. Надвигалось 50-летие ВОСР (Октябрьской революции), и вся идеологическая бюрократия по этому поводу стояла на ушах. Даже самому изумрудно-зеленому оптимисту ясно сделалось, что „Оттепель“ „прекратила течение свое“ и пошел откат, да такой, что впору было готовиться сушить сухари... Сегодняшний читатель просто представить себе не может, каково было нам, шестидесятникам-семидесятникам, как беспощадно и бездарно давил литературу и культуру вообще всемогущий партийно-государственный пресс, по какому узенькому и хлипкому мосточку приходилось пробираться каждому уважающему себя писателю: шаг вправо — и там поджидает тебя семидесятая (или девяностая) статья УК, суд, лагерь, психушка, в лучшем случае, занесение в черный список и выдворение за пределы литературного процесса лет эдак на десять; шаг влево — и ты в объятиях жлобов и бездарей, предатель своего дела, каучуковая совесть, иуда, считаешь-пересчитываешь поганые сребреники... Сегодняшний читатель понять этих дилемм, видимо, уже не в состоянии...»